

INSPIRIA

Любить
и быть
Любимой

Аманда Проуз

INSPIRIA

Аманда Проуз
Любить и быть любимой
Серия «Novel. Зарубежный
романтический бестселлер.
Романы Аманды Проуз»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73945097
Любить и быть любимой: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-247082-0

Аннотация

Она искала любовь в большом мире, а та ждала ее дома.

От автора более 30 романов, проданных миллионными тиражами по всему миру.

Роман о том, что значит решиться снова позволить себе любить и быть любимой. О том, что значит потерять себя и найти снова. О доме, который ждет тебя, даже когда ты сама об этом забыла. О любви, которая не кричит – но никуда не уходит.

Для тех, кто верит, что у каждой истории есть второй шанс. Идеально для поклонников Сары Джо.

Меррин выросла на побережье Корнуолла – среди скал, соленого ветра и людей, которых знала всю жизнь. Она умела любить по-настоящему и верила, что счастье возможно.

Но в один миг все разрушилось. И она уехала.

Чужой город, новая работа, тихое одиночество... Меррин убеждает себя, что так лучше и открываться снова – слишком большой риск. Некоторые вещи просто не подлежат починке.

Однако однажды ей придется вернуться в Порт-Чарльз – к семье, к прошлому, к себе.

И к тому, кто никуда не уходил.

«Пронзительно и до слез – Аманда Проуз умеет говорить о самом больном так бережно, что больно вдвойне», – Daily Mail.

Аманда Проуз – международный автор бестселлеров, у которого более 30 романов, переведенных на десятки языков. Ее книги разошлись по всему миру миллионными тиражами. Daily Mail назвали Аманду Проуз «королевой семейной драмы».

Сегодня она – самый плодовитый автор современной художественной прозы в британских бестселлер-чартах. Ее книги неизменно получают высочайшие читательские оценки сразу в нескольких жанрах.

Аманда Проуз – востребованный гость на телевидении и радио: постоянный участник ток-шоу Jeremy Vine на Channel 5, частый гость дневных программ ITV, а также многочисленных эфиров национальных и независимых радиостанций – в том числе LBC и talkRADIO, где ее ценят за острые наблюдения и заразительное чувство юмора.

Аманда Проуз пишет для тех, кто не может заставить себя выключить свет и лечь спать. Для тех, кто проходит каждый шаг с ее героями. Для тех, кто после последней страницы еще долго не может взяться за новую книгу – потому что предыдущая все еще живет внутри.

Содержание

Пролог	8
Глава 1	15
Глава 2	39
Глава 3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Аманда Проуз

Любить и быть любимой

*Мне больше в мире никого не надо,
Вас избрала я в спутники себе.*

У. Шекспир, «Буря»¹

Серия «Зарубежный романтический бестселлер. Романы
Аманды Проуз»

Amanda Prowse

TO LOVE AND BE LOVED

Copyright © 2022 by Lionhead Media Ltd

All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement
originating

with Amazon Publishing,

www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary
Agency

Перевод с английского *Анастасии Олейник*

© Олейник А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2026

Пролог

Майский вечер выдался не по сезону теплым. Девятнадцатилетняя Меррин, в тех же шортах и футболке, в которых провела весь день, бежала вверх по прибрежной тропинке к Реюньон-Пойнт – высокому мысу, окаймленному песчаной косой, где на отвесной скале гнездились чайки, а внизу с грохотом разбивались волны. Она бежала, глубоко вдыхая солоноватый ветерок этого дикого уголка корнуэльского побережья, и вдруг остановилась.

Один только взгляд на него заставил Меррин замереть. Широкая спина под темно-синей льняной рубашкой... веснушчатые руки, обхватившие колени... Он сидел на краю утеса, глядя на воду в обрамлении кряжистых деревьев, грубых обломков скальной породы, округлой гальки, бутылочных-зеленых водорослей и россыпи ракушек. Солнце все еще припекало, несмотря на закат; последние две недели оно каждый день поднимало свою прекрасную золотую голову, чтобы согреть кости людей, живущих здесь, у худо-бедно примостившейся на скалах гавани и в рыбацкой деревушке Порт-Чарльз, где паб, магазин, начальная школа и церковь уже больше двухсот лет прочно и гордо стояли лицом к морю, на одних и тех же местах (плюс-минус несколько дюймов).

Меррин стянула кроссовки и, подцепив их пальцами, по-

грузила ступни в упругую траву под ногами.

– Привет, – нежно прошептал он, когда она, скрестив ноги, опустилась рядом. Ее ступня уютно прижалась к его бедру, их руки встретились, пальцы переплелись. И так они сидели, чувствуя, как их сердца начинают биться в одинаково радостном ритме, и молча глядели на водный простор, где на горизонте красовались широкие паруса рыбацких лодок.

– Так-то лучше.

Он поднес ее руку к губам и поцеловал. Что бы ни происходило с ней днем, предвкушение того, что через считанные часы они увидятся, делало сносным что угодно. Даже нелегкую работу уборщицы.

– Мы же виделись утром.

Она прижалась щекой к его плечу. Он слегка развернулся, пристроив подбородок у нее на макушке. Их тела всегда настолько ладно вписывались друг в друга!

– Знаю. Самому смешно. – Он поцеловал ее в висок. – Я хочу видеть тебя каждую минуту каждого дня. Когда тебя нет рядом, я все время думаю о тебе.

– Правда? – Она сморщила носик, бесстыдно напрашиваясь на комплименты. – Ты не боишься, что я сведу тебя с ума?

– Любовь – безумье мудрое². Так сказал Уильям Шекспир.

– Так и сказал? – она рассмеялась. – Придется поверить

² В пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

тебе на слово.

– Так что, боюсь, у меня запущенный случай, и тут уже ничего не поделать.

В ее семье не рассуждали о Шекспире за обеденным столом. А он рассуждал, и с ним она становилась другой, становилась лучше. В этом был весь Дигби: в свои двадцать два он был не только красив – а он был прекрасен, с короткими каштановыми волосами, длинными ресницами, идеальными зубами и широкими, как у кошки, глазами, – но и умен. Знакомые ей парни обладали природной смекалкой, присущей деревенским жителям, но Дигби был начитанным, мог цитировать Томаса Харди и Шекспира. Его образованность впечатляла Меррин: сама она ненавидела каждую секунду, проведенную в школе; теснота классной комнаты давила на нее, и она предпочитала скакать по лужам, остававшимся на берегу после прилива, а не сидеть с книгой в руках. Порой, всматриваясь в его лицо, она не могла понять, почему этот потрясающий парень вообще интересуется такой девушкой, как она.

Это было их любимое место: если позволяла погода, они встречались здесь на закате, и океан был их телевизором, вершина утеса – игровой площадкой, а громкоголосые чайки – единственной компанией, в которой они нуждались. Здесь они бесстрашно стояли у самого края утеса, наблюдая, как последние лучи заходящего солнца покрывают мир огненной глазурью, а волны внизу разбиваются о зубчатые скалы.

– Я люблю тебя, Меррин.

Он провел пальцами по нежной коже ее запястья.

Дигби уже тысячу раз говорил ей эти слова, но ей все равно нравилось их слышать: они одновременно и будоражили, и дарили столь необходимую ей уверенность.

– Я тоже тебя люблю, – искренне ответила Меррин, и внутри у нее расцвели крошечные фейерверки радости.

– Я говорил буквально: я хочу быть с тобой все время.

Он поцеловал ее, а затем обнял так, что она почувствовала его желание, почувствовала мощное биение сердца; он крепко прижал ее к себе, и жаждущий рот приник к ее шее.

– Я тоже.

– Я тут подумал... – он сделал паузу и отстранился. – Не знаю, как бы это сказать.

– Ты же знаешь, что мне можно говорить все как есть.

– Ладно. Я хочу... – замялся он. – Я хочу, чтобы мы поженились.

Меррин громко и безудержно рассмеялась, откинув назад густые рыжие волосы, и смогла остановиться, только когда у нее в легких кончился воздух.

– Ты шутишь?

Вопрос сам собой сорвался с ее губ: его заявление застало ее врасплох. Конечно, по ночам она не раз представляла, какой может быть жизнь, если они навсегда свяжут свои судьбы друг с другом. Она не мечтала о том, чтобы сделать карьеру, она мечтала, что выйдет замуж за свою вторую половин-

ку, представляла, как будет вести хозяйство и растить детей. Но она не забывала, что это всего лишь мечты: во-первых, ей еще рано замуж, а во-вторых, они с Дигби происходят из совершенно разных семей и ведут совершенно разный образ жизни. Но эти мечты были такими сладкими! Выйти замуж за любимого и жить долго и счастливо – так же, как ее собственные родители. Однако мысль, что их с Дигби любовь настолько глубока, что дело действительно может закончиться браком, казалась ей авантюрой.

– Нет, я не шучу.

Вывернувшись из его объятий, Меррин села прямо и только тогда заметила боль в его глазах. Дигби смотрел на нее по-новому: пронзительным взглядом, обжигающим своей искренностью. В этот момент она поняла, что Дигби, который ждет ответа, сейчас во сто крат уязвимее и беззащитнее ее самой. Она легонько погладила его по щеке. Его предложение было самым невероятным событием в ее жизни. Оно пьянило и возбуждало как ничто другое. Кто-то хотел провести с ней всю оставшуюся жизнь – и не просто кто-то, а Дигби Мортимер, парень, с которым всего лишь двенадцать месяцев назад они разве что здоровались! Все сомнения улетучились, как утренний туман под теплыми лучами солнца.

Ее жизнь только начиналась, но простая истина заключалась в том, что в таком маленьком местечке, как Порт-Чарльз, шанс найти молодого неженатого парня был весьма невелик. Она всегда считала, что в поисках спутника жизни

ей придется покинуть деревню и потом уже силой затащить жениха или мужа в свой любимый Корнуолл. Вариант жить в другом месте, а не в своем родном доме, она не рассматривала, даже если это означало, что в конце концов она окажется на полке рядом со старым чайником, семейной Библией и пожелтевшей черно-белой фотографией со свадьбы дедушки Артура и бабушки Элен (выглядели они не очень счастливо).

– Правда в том, Меррин, – Дигби сел и потянулся к ее руке, – что я счастлив, только когда я с тобой. Счастлив так, как никогда не был. Впервые в жизни я могу быть самим собой. Я словно стряхнул с себя старую кожу. Мне не нужно производить на тебя впечатление, как на своих друзей, или притворяться, что все тип-топ, когда это не так. И тебе плевать на вещи, о которых постоянно разглагольствует моя мать: деньги, место в обществе, *как* себя вести, *где* тебя должны видеть, *как* надо одеваться. – Тяжело вздохнув, будто даже мысль о том, чтобы снова надеть эти маски, была утомительной, он закрыл глаза. – Сидя здесь, на траве, любясь на море, я счастливее, чем когда-либо в жизни. Каждый раз, когда мы прощаемся, я считаю минуты, когда снова смогу оказаться рядом с тобой. Ты делаешь меня счастливым, потому что любишь меня, несмотря ни на что.

– Люблю. – Она скрестила ноги и подалась ему навстречу, уткнувшись локтями в его колени и вложив свои ладони в его. – Я люблю тебя, несмотря ни на что.

– Так давай же! Давай поженимся! Почему нет?

– Правда?

– Да. Пожалуйста, не заставляй меня это повторять.

Он улыбнулся.

– Еще разочек было бы неплохо.

Она наклонилась и поцеловала его манящие губы, ощущая, как глубоко внутри разливается волна любви к этому прекрасному мужчине.

– Меррин, ты выйдешь за меня? Пожалуйста.

– О боже мой! Да! Да! Я с радостью выйду за тебя, Дигби!

Прыгнув вперед, она повалила его и принялась целовать, а он провел ладонью по ее плоскому животу к лифчику, и они отпраздновали это событие единственным известным им способом.

Глава 1

Меррин

Меррин стояла босиком на неровных булыжниках, с удовольствием ощущая, как они вписываются в высокий свод ее стопы, когда она обхватывает их пальцами ног, – словно становятся якорем. Где бы она ни находилась, ей всегда было гораздо уютнее без обуви и носков. Ступая босыми ногами по земле, траве, морю, камням или мокрому песку, она чувствовала связь с миром: это ощущение успокаивало как ничто другое. Особенно сегодня, когда, проснувшись ранним утром, она выбралась из кровати и, выйдя на узкую деревянную лестницу, ощутила, будто парит, будто между ней и землей лежит тонкая воздушная подушка. Конечно, Меррин была рада, что этот день наконец-то настал, но одновременно казалось, что ее выбили из колеи. Хотя вряд ли это было заметно со стороны. Вот Руби, ее сестра, никогда не упускала возможность продемонстрировать свои эмоции, могла вспыхнуть на пустом месте, и, несмотря на предсказуемость, это слегка утомляло; отчасти поэтому Меррин пришлось научиться держать себя в руках, даже если корабль жизни сбился с курса. Так она уравнивала сестру.

– Мерри, дедушка Артур упал в обморок, он не дышит! Только что, в саду! Он лежит на тропинке!

– Руби, посмотри на меня! Посмотри на меня! Беги за доктором Левингтоном, а потом найди папу, он в пабе, а я посижу с дедушкой. Все будет в порядке.

Меррин казалось, что ее сердце вот-вот разорвется от боли, но она улыбнулась, не поддавшись панике и взяла дело в свои руки. Неплохо для девятилетнего ребенка. Конечно, все было далеко не в порядке – дедушка умер, – но она понимала достаточно, чтобы притворяться столько, сколько нужно. Меррин до сих пор скучала по дедушке, но урок был усвоен: когда все летит в тартарары, рядом может не оказаться никого, кто бы встал у штурвала; порой самый ответственный человек поблизости – ты сам.

Взгляд зацепился за фигуру Лиззи Лизун: она собирала на берегу ракушки, засовывая их в карманы плаща; на Меррин тут же накатило знакомое чувство тревоги, и она поскорее отвела глаза от этой женщины, которую почти все в округе считали ненормальной. Но затем все же глянула на нее украдкой еще раз: Лиззи, как обычно, что-то бормотала себе под нос – она явно пребывала в каком-то своем мире.

Сделав глубокий, медленный вдох, Меррин на минутку прикрыла глаза, мгновенно почувствовав себя лучше и спокойнее. Отсюда открывался идеальный, самый широкий обзор на побережье; она могла сидеть здесь и смотреть на волны часами. Отец однажды сказал ей, что это головы белых лошадей со взмыленными боками; лошади мчатся галопом, с грохотом обрушиваясь на берег, а затем резко разворачива-

ются и на обратном пути бесследно растворяются в море. Теперь в набегающих волнах ей всегда виделись лошади. Глядя на набухшие фиолетовые тучи, низко нависшие над океаном, Меррин молча взмолилась: «Пожалуйста, не надо дождя! Только не сегодня, не в день моей свадьбы...»

Ответом был грохот волн, разбивающихся о мол. Келлоу жили в одном из четырех небольших крепких коттеджей у самой гавани, правда два крайних давно продали: теперь это были чьи-то загородные дома. Коттеджи собственноручно построили мужчины Келлоу более двух столетий назад; камни и куски скал добывали в каменоломне вверх по побережью, а затем один за другим спускали их к гавани. Дед Меррин, как и пять поколений Келлоу до него, зарабатывал на жизнь ловлей рыбы. Меррин родилась в коттедже Келлоу номер один, и он был ее единственным домом.

Она сказала Дигби, что, даже когда они поженятся, она не мыслит жизни вне Порт-Чарльза, и Дигби согласился с ее доводами. Ей совершенно не хотелось обустроить свою жизнь в городе – среди шумных улиц, запруженных незнакомыми людьми. Ее дом – эта деревня. Здания вдоль береговой линии служили ориентирами, средствами навигации, столпами, вокруг которых вырастали дома. Здесь жили рыбаки и добытчики олова. Почти все дома были небольшие и покосившиеся, но выбеленные и симпатичные. Большая часть рыбаков и добытчиков олова давно покинули эти места, и сейчас двери и ставни были выкрашены в пастельные тона,

а летом в ящиках под окнами теснились алые герани, трепеща на теплом ветру, и туристам, которые ползли на автомобилях по тесным улочкам, непременно хотелось запечатлеть эту красоту на фото – на каждом повороте и всякий раз, когда бы они ни выглянули в окно. Но когда-то эти улочки создавались для лошадей, а не для машин, и для мужчин, несущих пешком рыболовные сети, а не для приезжих с тяжелыми чемоданами, набитыми нарядами (хотя в этих нарядах здесь некуда было пойти и никому не было дела до их стоимости). Да, здесь был ее дом, здесь они могли бы остаться и создать семью.

Что ей сказал Дигби? «С тобой я готов жить где угодно – где угодно. Потому что мой дом – там, где ты». От этого воспоминания сердце Меррин забилося сильнее.

– Меррин! Ради бога, сделай милость и зайди уже в дом! – раздался взволнованный мамин голос; она звала ее из окна прямоугольной комнаты со скошенным потолком, которая простиралась на всю глубину дома.

Меррин бросила последний взгляд на бухту.

– Уже иду!

Хезер Келлоу, все еще в ночной рубашке, отошла от плиты. В любую погоду плита дышала жаром, и поэтому обе двери – и передняя, и задняя – практически всегда были открыты, что давало возможность случайной собаке, нескольким местным котам и порой даже курице-другой беспрепятственно проникать из небольшого заднего дворика в привле-

кательное тепло.

Эта комната и пахла по-особенному: здесь уютно сочетались ароматы древесного дыма и выпечки и резко-пшеничный запах животных. Эта кухня-гостиная была сердцем дома, и хотя ее нельзя было назвать слишком просторной, все же это была самая большая комната, и именно здесь они собирались всей семьей, чтобы вместе порадоваться или поговорить.

– Щипцы для завивки готовы, так что пока твой отец в ванной, я могу сделать тебе прическу, но времени у нас совсем мало. Опаздывать нельзя!

Правду сказать, мама волновалась за этот день гораздо больше самой Меррин: о том, как все успеть, о деталях... Меррин не стала бы говорить об этом вслух, но она была бы так же счастлива сбежать и выйти замуж по-тихому, хоть на пляже, хоть в обычном загсе, хоть даже в пластиковой церквушке, где их поженит бы двойник Элвиса³. Ей было все равно, как они с Дигби станут мужем и женой; действительно важным было одно: чтобы они соединили свои судьбы навеки, в болезни и в здравии. Она до безумия любила Дигби Мортимера, буквально все в нем: как он выглядел, как

³ Речь идет о «Часовне Элвиса» в Лас-Вегасе, где действительно вместо священника молодоженов (по их желанию) может встретить и обвенчать «Элвис Пресли». Благодаря упрощенной процедуре бракосочетания в Лас-Вегасе ежегодно справляют свадьбы сотни тысяч людей, которые съезжаются со всего мира. Свадьба Элвиса Пресли также проходила в Лас-Вегасе, поэтому многие супружеские пары выбирают «свадьбу Элвиса».

говорил, все его бессознательные жесты, как он откидывал волосы со лба, квадратик гладкой кожи у самого запястья... Одной мысли о кусочках пазла, из которых складывался он весь, хватало, чтобы желание увидеть своего жениха пронзало ее до глубины души. Это чувство пьянило похлеще любого алкоголя.

Меррин решила провести этот день без суеты и нервов. Истинное счастье, пришедшее к ней с помолвкой, сделало ее уверенной и неспешной. Правда заключалась в том, что, несмотря на огромные ожидания, возлагаемые на этот, такой особенный для нее, день, он представлялся ей последним препятствием, которое они с Дигби, конечно, преодолеют. После всех твердых «ни за что», расспросов, крайне неодобрительных взглядов и вполне рациональных возражений от родителей с обеих сторон – «Вы еще только начинаете жить!», «Вы из совершенно разных миров» – разве трудно надеть самое шикарное платье в своей жизни и, взяв под руку отца, провальсировать к алтарю?

– Не переживай, ма. Я не собираюсь опаздывать.

Меррин потянулась за кружкой с горячим чаем, стоящей на «Рэйберне»⁴. Было неважно, чья она. Чай, как и бо́льшая часть вещей в этом тесном коттедже, был общим. «Господи! Вы отапливаете весь чертов Корнуолл!» – кричала ее бабуш-

⁴ Работающая на твердом топливе печь-плита линейки Rayburn от британского производителя плит, кухонных приборов и предметов интерьера AGA Rangemaster.

ка, Эллен Келлоу, всякий раз, когда забежала к ним из соседнего коттеджа Келлоу номер два, стуча тростью по дверной коробке и толкая дверь широким бедром, чтобы та закрылась.

Завернувшись в банный халат, Меррин обняла ладонями кружку и устроилась за шатким сосновым столом, который, сколько она себя помнила, стоял на тряпичном ковре посреди комнаты. Ванная комната, откуда сейчас доносилось папино посвистывание, находилась в задней части коттеджа: когда-то она была снаружи, а ныне – внутри, благодаря пристройке, которую в шестидесятых годах соорудил дедушка Артур. Крутая деревянная лестница вела наверх, где располагались две спальни.

Порт-Чарльз постоянно менялся. Рестораны, бары, мелкие магазинчики, меняющие ассортимент от сезона к сезону, торговые палатки и солидные магазины с дорогими интерьерами и широко улыбающимися торговцами появлялись и исчезали вслед за сменой времен года. Чаще всего те самые торговцы, которые приезжали в рай, к концу лета – всего несколькими месяцами позднее – оставались без гроша и проклинали все на свете за то, что так вложились – и финансово, и эмоционально. Улыбки сменялись горькими слезами, когда им приходилось упаковывать вещи, а вместе с этим и свои мечты, и выставлять в окне большую табличку «Продается» в надежде привлечь другого мечтателя с дерзкими чаяниями и большим кошельком. А затем они швыряли ключ

на стол риелтора и отчаливали обратно вглубь страны, туда, откуда так хотели сбежать. Меррин никак не могла взять в толк, как они могут оставить этот маленький островок рая на земле.

Мощеная дорожка у дома, широкий подоконник в спальне, которую Меррин делила с Руби, потускневшие латунные таблички на дверях, ржавые кованые ворота со скрипучими петлями, даже древний «Рэйберн» – все эти вещи приносили ее душе мир. В них было постоянство и неизменность, которые привязывали ее к этой земле столь же прочно, как если бы из ног проросли корни – вглубь до самого последнего куска олова. Многие вещи она помнила с самого детства, и ей нравилось знать, что по этим деревянным полам ступали ноги ее предков, а бабушкины кончики пальцев касались мягких вязаных пледов на подлокотниках кресел.

Ее ждала великолепная жизнь: ведь теперь она поселится в самом большом доме Порт-Чарльза, но Меррин опасалась говорить об этом вслух, помня о чувствах близких и переживая, что Руби будет насмешничать: «О, вот и ее высочество Меррин». Руби никогда не упускала возможности подразнить ее. Меррин собиралась навещать родных каждый день: она не мыслила свою жизнь без дружеской перепалки за чашечкой чая. Она представляла своих детей в этой самой комнате и снаружи дома – где вместо игровой площадки в ее распоряжении был целый пляж, а в качестве няnek – все, кто жил поблизости: и родственники, и просто соседи...

Но факт оставался фактом: она уже не могла дожидаться, когда наконец поднимется в квартиру в построенном возле Старой ректории домике с гаражом на первом этаже; она надеялась, что там найдется местечко для ее любимого «Фольксвагена-Жука», окрещенного Верой Вильмой Браун.

Зимой родители Дигби жили в Бристоле, она была там только дважды. Ее отец отзывался о городе презрительно: *«Меня туда не заманишь. Повсюду люди! Те самые городские, которые сводят нас с ума летом, – а там они везде и все время! Они не уезжают домой, потому что они и так дома! Дорогие рестораны, машин слишком много, и дышать нечем. Такое место, моя девочка, точно не для таких, как ты...»* Но, к собственному удивлению, ей понравился Бристоль, с его шумом, плотным движением, магазинами, толпами на улицах и весьма оживленной гаванью, в которой было достаточно воды и лодок, чтобы почувствовать что-то родное, и Меррин даже не имела ничего против городских жителей и их кофеен. Она точно знала, что не станет возражать, если придется навещать Бристоль почаще, – несмотря на то что была слегка ошеломлена роскошью огромного и прекрасного особняка Мортимеров в Клифтоне⁵, выстроенного в палладианском стиле – с высокими каменными колоннами и широкими лестницами.

Дигби и его отец управляли империей печенья, благодаря которой Мортимеры сделали свое состояние. Семья Мер-

⁵ Клифтон – элитный район Бристоля.

рин традиционно занималась рыболовством, а пять поколений Мортимеров пекли печенье. Но, в отличие от рыболовства, бизнес Мортимеров был более предсказуем и приносил гораздо больше прибыли, чем ловля и потрошение рыбы, ведь если улов был скудным, на столе у Келлоу было не то чтобы густо.

Пока Меррин вытирала влажные ноги сухой тряпкой, мама приобняла ее и поцеловала в макушку.

– Моя маленькая девочка выходит замуж! Честно говоря, до сих пор не могу в это поверить.

– Больше никаких слез, – скомандовала Меррин. Ей было непросто оттого, что мама так эмоционально реагировала на это событие, и еще ей хотелось, чтобы все сегодня выглядели на все сто, а опухшие веки и натертый нос не входили в число лучших образов Хезер Келлоу.

– Хорошо. – Хезер хлюпнула носом и покачала головой. – Я просто не могу поверить.

– Ты уже говорила. Уточни, ты не можешь поверить, что кто-то вообще хочет на мне жениться или что это произойдет сегодня?

Скорее первое – Меррин была самой обычной девушкой, а вот Дигби... он был невероятный. Мама собрала часть ее волос в узел, взяла щипцы для завивки, весомо подтолкнула ее затылок, и Меррин послушно наклонила голову, прижав подбородок к груди. У Хезер и ее дочерей было так заведено: с самого детства Меррин и Руби садились на камен-

ный заборчик лицом к морю с полотенцем на плечах, а мама медленно и кропотливо подравнивала кончики их длинных волос, а однажды попыталась сделать им челку, и все в школьном автобусе смеялись и показывали на них пальцем. Меррин заплакала, а Руби разбила губу Джарвису Карди – главному зачинщику веселья.

Обычно Меррин заплетала свои густые длинные волосы в свободную косу, обвивающую голову и падающую через плечо. Но не сегодня. Было решено, что в день свадьбы у нее будут локоны. Дигби обожал ее волосы. Он любил пропускать их сквозь пальцы, любил, когда они рассыпались по его широкой груди, пока Меррин млела в его объятиях, глядя в огромное корнуольское небо, любуясь звездами, что усеивали чернильную ночь. В эти моменты Меррин была как никогда счастлива.

Мама отвлекла ее от воспоминаний.

– Я *могу* поверить, что кто-то хочет взять тебя замуж, конечно, могу, но тебе всего девятнадцать... ты же совсем малышка.

Ну вот опять...

– Мама, когда вы с папой поженились, тебе было восемнадцать. И ты была всего на год старше, чем я сейчас, когда ты родила Руби! А бабушка вышла замуж за дедушку Артура в двадцать два, и довольно скоро появился папа.

– Да-да, я знаю. Просто... раньше все было по-другому. Думаю...

Но мама не успела договорить, поскольку комнату заполнил запах паленых волос.

– Мама, ты сожгла мне волосы! – Меррин выдернула сожженные пряди из маминых рук и гневно уставилась на нее.

– Ну сгорела пара волосинок! У тебя густые волосы. Я спрячу подгоревшие прядки, никто и не заметит. Не переживай.

И мама поплевала ей на волосы, словно таким ничтожным количеством влаги можно было затушить потенциальное пламя. Это действие нисколько не помогло ни избавиться от вони, ни вернуть веру Меррин в мамины парикмахерские способности.

– Не переживай о чем? – спросила Руби, спускаясь из спальни. – Господи, что за вонь? Мерзость какая!

Она замахала обеими руками в сторону открытой задней двери, прогоняя запах. Меррин обменялась взглядом с мамой: Руби так накрасилась, что ее было почти не узнать. На месте симпатичной розовощекой девушки... Меррин, конечно, попыталась ничем не выдать свое впечатление, потому что знала, что сестренка старалась, но Руби выглядела то ли как персонаж в пантомиме, то ли как ребенок, дорвавшийся до маминой помады.

– Чего уставилась? – вызывающе спросила Руби в своей обычной манере, ощетинившись как ежик.

– Да так, – Меррин моргнула. – Кстати, если хочешь знать, что это за запах, так это мама сжигает мои волосы в тот са-

мый день, когда мне нужно выглядеть на все сто, и как раз *об этом* я не должна переживать, что хорошо, поскольку, судя по ее вздохам и слезам, у меня есть куча других проблем, о которых я должна беспокоиться.

– Такая у меня работа: переживать, – сказала мама. – Ты моя самая маленькая девочка, и если не я, то кто?

– Муж? – ответила Руби и, стремительным движением выхватив кружку из рук сестры, отхлебнула остывающий чай, прежде чем Меррин успела открыть рот. – Поставлю чайник. – Руби направилась к раковине. Мама снова взялась за щипцы для завивки.

– Мерри, если хочешь, могу сделать тебе макияж, – предложила Руби.

– Нет!

– О господи, нет!

Меррин с мамой дружно рассмеялись над собственным единодушием.

– Не знаю, зачем я вообще стараюсь быть доброй, – пробормотала Руби.

Меррин чувствовала, что мама трясется в беззвучном смехе. О вспыльчивости Руби можно было слагать легенды. Ребенком она пересчитывала рождественские подарки, чтобы убедиться, что у нее столько же, сколько у сестры, и указательным пальцем измеряла количество сока в стакане, переживая, как бы ее не обделили. Однажды Меррин спросила у матери, почему ее сестра такая.

Хезер пожала плечами:

– Да, она склонна к театральности и, пожалуй, малость ревнует, хотя, видит бог, мы любим вас обеих одинаково! И никогда не забывай, что она любит *тебя*. Правда любит. Но она будто плохо отлаженный маятник – ее все раскачивает между любовью и ненавистью, поэтому она такая же вспыльчивая, как бабушка Эллен.

Но сегодня Меррин не задевали замечания Руби. Гораздо более разбалансированного маятника сестры Меррин волновал факт, что скоро у нее появится муж.

«Муж»... Такое взрослое слово, за которым кроется столько всего. «Замужняя». Она совершенно не волновалась, все ее мысли были заняты Дигби. «Миссис Мортимер»... Она против воли поморщилась, представив другую миссис Мортимер. Мама провела по волосам расческой. Меррин вздрогнула.

– И где вы с этим твоим Дигби собираетесь жить? – спросила Руби, которая в данный момент стирала в раковине колготки.

– В квартире над гаражом. – Меррин просияла при мысли о собственной гостиной и выложенной плиткой ванной комнате. – Но когда его родители уедут, мы переберемся в главный дом. И не называй моего будущего мужа «этот Дигби»!

– О, а если мама встретит тебя в большом доме, когда будет там прибираться, она должна будет сделать реверанс? А если их с папой пригласят на один из рождественских прие-

мов? Она будет гостьей, но при этом должна будет разносить канаве на большом серебряном подносе?

Хезер много лет проработала у Мортимеров уборщицей, так что Меррин оказалась в странном привилегированном положении: она была наслышана о будущих свекре и свекрови из первых рук.

– Руби! – Хезер решила защитить свою работодательницу. – Прекрати сейчас же. Лоретта всегда была добра ко мне. Правда.

Руби расхохоталась.

– Господи, я просто шучу. Да, я не в восторге от миссис Мортимер, но должна признать, мне нравится старина Дигби. Он пообещал, что позовет меня пострелять по тарелкам, и, если мы сделаем ставки, я точно заработаю пару фунтов.

Меррин рассмеялась, понимая, что, вероятнее всего, так и будет. Она видела, как действует Руби за бильярдным столом в пабе, когда приезжали городские: «Ага, нужно ударять по шарам этой палкой? Оу, это кий?! И что нужно делать? Оу, загонять шары вот в эти малюсенькие кармашки по бокам?» Затем можно было наблюдать, как отдыхающие делают ставки, ну а потом Руби делала то, что умела прекрасно: впечатляющей серией шикарных ударов оставляла бильярдный стол без шаров.

– Мерри, а как ты будешь ее называть? Миссис Мортимер? Лоретта? *Мама?* – Руби вопросительно подняла бровь.

– Не говори чепухи! – предсказуемо резко оборвала Руби

мама. – Меррин не будет называть ее мамой.

– Я еще не знаю. – Меррин хотела бы, чтобы эта женщина сама и ясно выразила предпочтения, но решила, что разные детали подобного рода они уладят после свадьбы. Наверняка мама Дигби скажет ей: «Дорогая, зови меня Лоретта...» – и, вероятно, обнимет, чтобы надлежащим образом ввести в лоно семьи.

Несмотря на то что миссис Мортимер неизменно была приветлива с ней, под ее пристальным взглядом Меррин чувствовала себя как на суде, особенно потому, что будущая свекровь частенько задавала, казалось бы, случайные вопросы. Например, однажды она спросила: «Меррин, что ты думаешь насчет частного образования?»

На что Меррин, запинаясь, ответила: «Я... В целом я не против, но мне кажется, все зависит от ребенка; некоторым детям оно подходит, а другим – нет, а мне просто хочется, чтобы мои были счастливы...»

– *Детям...* – повторила Лоретта с такой странной интонацией, что Меррин почувствовала, будто провалила какой-то тест. Если рядом был Дигби, миссис Мортимер довольно много обращалась к Меррин, но наедине с девушкой она в основном молчала. А Меррин не привыкла к тишине, поскольку в их доме всегда было шумно.

– Всем доброе утро! – В открытую заднюю дверь вошла ее лучшая подруга, до сих пор в пижаме и с бигуди на голове.

– Белла! – Меррин вскочила и побежала обниматься со

своей второй подружкой невесты, которая тем временем свалила на пол в кучу дорожную сумку, дамскую сумочку и что-то, похожее на свадебные туфли. Для Беллы это было типично: она не придавала значения вещам; все были уверены, что сегодня она в первый раз наденет платье, потому что обычно она ходила в джинсах и старых футболках.

– Чем занята наша юная невеста? Спешит прочь на всех парусах или спешит в его объятия?

В его объятия...

– Ни то ни другое. Я просто торчу здесь, пока мама сжигает мои волосы!

– Она стонет все утро, – воскликнула Руби. Меррин бросила на подругу полный отчаяния взгляд, и Белла подмигнула ей, поскольку прекрасно научилась сохранять мир между двумя сестрами – ведь и Руби, и Меррин были ее лучшими подругами.

– Всего единственная тонюсенькая прядочка! Честное слово, никто и не заметит пару сожженных кончиков, – попыталась ее успокоить мама.

– Не знаю, не знаю, миссис К, Лоретта вполне способна; у нее на такое глаз наметан. «Как не любоваться на рассвете этим золотистым сиянием летнего солнца, восходящего над морем...» – подлила Белла масла в огонь.

Руби и Белла рассмеялись, но Меррин даже не улыбнулась. Обычно ее тоже веселила способность Беллы скопировать кого угодно, но Лоретта все-таки была мамой Дигби, и

Меррин чувствовала, что по крайней мере не должна поощрять Беллу.

В доме начала разворачиваться бурная деятельность. Не то чтобы последние дни все сидели сложа руки: отец, как ему было велено, отмыл все окна в коттедже и почистил струей воды булыжники перед домом. Прибывшие подарки мама сложила в углу кухни в замысловатую композицию, и Меррин украдкой подглядывала из-за чайной кружки за сестрой, которая их перебрала, «взвешивая» каждый на ладони и пытаясь угадать их стоимость. Она даже встряхнула конверты возле уха, чтобы уловить характерное шуршание чека или банкноты. Меррин только посмеивалась. Ей вовсе не было дела до подарков и прочей мишуры, ей просто хотелось выйти замуж за Дигби. Меррин казалось, что прошла уже неделя или две с тех пор, как она видела его в последний раз: они договорились соблюсти традиции и не видеться накануне свадьбы. Поэтому позавчера они целовались будто в последний раз и, если честно, ей понравилась многообещающая страстность их объятий.

Хезер вытерла руки о полосатую ночнушку и, поставив голову Меррин прямо, собрала ее волосы с двух сторон.

– Ну, Мерри, как делаем: вверх или вниз? – Мама возвышалась над ней, попеременно то собирая волосы в высокую прическу, то позволяя им свободно рассыпаться по плечам.

– Хоть так, хоть так, не знаю. Выбери сама.

Мама фыркнула.

– Что значит *хоть так, хоть так*? Это же совершенно разные образы! – Она снова собрала волосы на макушке. – Девочки, что скажете?

– Вверх, – крикнула Руби.

– Нет, вниз, чтобы скрыть ее кислую мину с глаз людских! – расхохоталась Белла.

– Дай пять! – развеселилась Руби, и они с Беллой стукнулись ладошками.

– От вас никакого толку! – Мама нахмурилась и вздохнула; было похоже, что она вот-вот заплачет.

– Мама, не стоит так переживать; это всего лишь прическа, кого она волнует?

– Кого волнует? – рывкнула мама в ответ. – Меня волнует, и тебя тоже должна! Именно детали будут создавать впечатление. Вспомни свадьбу кузена Питера. Дядя Питер – управляющий фирмы, ни много ни мало, и я, кажется, уже рассказывала вам, что когда тете Маргарет понадобилась гистероэктомия, она ее сделала по страховке через частную клинику.

– Рассказывала! – хором отозвались Белла и Руби и прыснули от смеха.

Ничуть не смутившись, миссис Келлоу продолжила:

– Денег у них навалом, но никто и не вспоминает о чудесном местечке на берегу реки или о канапе на фуршете, которое, я точно знаю, стоили двадцать девять фунтов на человека. Нет, если кто-то вообще вспоминает эту свадьбу, то

единственное, что всплывает у них перед глазами – меховой фасинатор⁶ тети Маргарет!

Меррин плотно сжала губы – она всегда так делала, когда надо было удержаться от неуместных комментариев. Это сработало. Руби с Беллой не были столь натренированы, так что, прижимаясь к друг дружке, покатались со смеху, всхлипывая: «Меховой фасинатор!»

– Честное слово, мама, на моей свадьбе никому не будет дела до моей прически. Обещаю.

– *Мне* нужно, чтобы тебе было дело до всех этих вещей! – В голосе мамы уже слышались умоляющие нотки.

– Но меня это не волнует, правда. Меня вообще не волнует эта свадьба. Я просто хочу выйти замуж.

– Ради всего святого! – Словно сдавшись, мама опустилась в старое кожаное кресло у плиты. – Кажется, у меня начинается мигрень.

– Мерри права, миссис К, не переживайте так. Может, вам стоит позвонить сестре и попросить ее надеть этот меховой фасинатор, и тогда все будут говорить только о нем, а на прическу Меррин будет всем пофигу?!

Хезер Келлоу провела по векам, будто снимая с них невидимое давление, и вздохнула.

– Я просто стараюсь изо всех сил, чтобы этот день был

⁶ Вечерний дамский головной убор-украшение с перьями, бусинами, искусственными цветами, самых необычных форм и разновидностей, чаще на заколке, реже на ободке. Многие британские дамы носят их в обязательном порядке на все торжественные мероприятия.

идеальным: ведь это такое большое событие. Вот и все.

Меррин выпрямилась.

– Вот интересно, почему все называют это «большим» событием? Не «средним» и не «маленьким»? Ведь по большому счету в сравнении с тем, что можно пережить или чего добиться в жизни, свадьба может оказаться довольно незначительным событием.

Мама ухватила за потертые ручки кресла и приподнялась.

– Довольно незначительным? Это же твоя свадьба! Всего через несколько часов ты станешь замужней женщиной, и мне, моя дражайшая Меррин, довольно трудно сохранять спокойствие. Мы с папой месяцами работали, чтобы подарить тебе такую свадьбу, какой ты достойна, такую свадьбу, о которой всегда мечтали для тебя! И я не желаю, чтобы Лоретта Мортимер и иже с нею морщили носы, потому что я не справилась с твоей прической или потому что твой папа надел не тот галстук!

– Я просто не понимаю, почему все это так важно! – искренне воскликнула Меррин. Мама сдавленно всхлипнула, и в комнате воцарилась тишина. Руби с Меррин обменялись неловкими взглядами: сейчас они были скорее союзницами, чем соперницами.

– Что я сейчас такого сделала?

– Меня беспокоит, что ты *не* сделала, Меррин! – Мама промокнула глаза туалетной бумагой вместо салфетки. –

Мне пришлось принимать все решения вместе с Лореттой; она настаивала на моем участии, но я чувствовала себя как на работе! Это было совсем не весело. Я помогла ей выбрать, как украсить стол, шрифты на приглашениях, даже *чертовы* гимны!

Меррин знала, что если мама употребила это слово на букву «ч», значит, она действительно расстроена. Меррин было не по себе видеть маму в таком состоянии, а еще Меррин знала, что мать Дигби вполне способна довести до такого состояния и своего сына; она вспомнила, как однажды он приехал за ней к отелю, где она работала официанткой, и какой подавленный у него был вид, когда он притянул ее к себе на парковке.

– С тобой все в порядке, любимый? – она поцеловала его в щечку.

– Теперь да. Мне просто необходимо было обнять тебя. Он зарылся носом в ее волосы и вдохнул их запах.

– Что случилось? – она редко видела его таким.

– Ты когда-нибудь хотела сбежать отсюда? – он еще крепче прижал ее к себе, будто она была ему необходима как воздух.

Она посмотрела на искрящуюся воду, на солнце, посылающее лучи морю сквозь облачко, на отца, который чинил сети на берегу, на распахнутую, как обычно, дверь в коттедж.

– Нет, – ответила Меррин. – Ни разу.

– Тебе повезло, – он проследил за ее взглядом.

– Нам повезло, – поправила она.

– Да, – и выражение его лица потеплело. – Нам повезло.

Голос Хезер отвлек Меррин от воспоминаний.

– Она ясно дала понять, что хорошим вкусом я не обладаю, и, если честно, Меррин, пару раз я уже была на грани и чувствовала, что еще немного – и я просто сбегу от нее, но бог знает чем *это* могло аукнуться вам с Дигби, так что я осталась до конца. – Мама глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. – Через несколько часов ты выйдешь замуж, и я сделала все возможное, чтобы этот день стал для вас с Дигби особенным, чтобы вы много лет вспоминали о нем, чтобы и тетя Маргарет, и Мортимеры поняли, что мы – семья, достойная уважения, и твой папа тоже чего-то стоит!

– Почему тебя волнует, что думает тетя Маргарет или Мортимеры? Это же моя свадьба, а не их! Все, что волнует меня, это создать семью с Дигби, заботиться о нем... ждать детей! – Меррин улыбнулась.

Руби сунула два пальца в рот, изображая, что ее сейчас стошнит.

– Я знаю, но свадьба – это гораздо больше, чем просто событие; свадьба показывает родным и друзьям, насколько ты успешна – в зависимости от того, сколько было на нее потрачено, и насколько тщательно продуманы детали. – Прозвучавшие эти слова, подозрительно похожие на чьи-то, а не на ее собственные, мама воздела руки к небесам словно в молитве. – Например такие, как: уложены ли чертовы локоны

в прическу или падают свободно!

И снова это слово на букву «ч». Меррин легонько вздохнула.

– А я-то думала, что главное – это связать наши жизни клятвами.

– Конечно, так и есть! – мама хлопнула по ручке кресла. – Но это не отрицает возможности похвастаться перед некоторыми родственниками.

– Вообще-то, – сказала Меррин, подойдя к матери и целуя ее в макушку, – я немного подумала и решила: поднимем локоны вверх. Определенно.

– Я же говорила! – не удержалась Руби.

Миссис Келлоу обмякла в кресле и кивнула. На ее лице читалось облегчение.

– Мне просто хочется, чтобы все прошло хорошо, – глядя в пол, тихо сказала она.

– И нам всем тоже, мама, – мягко сказала Руби, лишь со слабым намеком на сарказм.

В воздухе витало напряжение.

Меррин смотрела на сгущающиеся за окном тучи и думала: может, еще не поздно сбежать?

Мысль о том, что они с Дигби останутся наедине, без Руби с ее колкими замечаниями, зато с двойником Элвиса, которому не нужно будет впечатлять тетю Маргарет, была как никогда привлекательной.

Глава 2

Меррин

– Это невозможно! – Его голос звенел от напряжения. Это был голос человека, доведенного до крайности.

Меррин бросила взгляд в сторону узкого коридора: папа выскочил из ванной в трусах, носках и рубашке, застегнутой до самого подбородка, но с развевающимися манжетами.

– Чувствую себя фаршированной индейкой к праздничному столу! – громко застонал он, мечась по кухне. – Эти косточки для воротничка! Ими же невозможно попасть в эти маленькие дырочки, и невозможно самому застегнуть запонки. Как некоторые носят костюмы каждый день, не понимаю. Меня бы это доконало! Ради всего святого, почему я должен все это надевать? Сегодня и так полно поводов для стресса, я просто не понимаю, почему мне нельзя надеть мои лучшие брюки и...

– Спортивный пиджак! – закончили фразу Меррин и Руби, хохоча и показывая друг на дружку пальцем. Они слушали папины стенания уже два дня – с тех пор, как в магазинчике в Труро⁷ ему взяли напрокат одежду для свадьбы, и этот самый «совершенно приличный темно-синий спортивный пиджак, который за десять лет надевался всего несколь-

⁷ Административный центр Корнуолла, самый южный город Великобритании.

ко раз» уже упоминался не единожды.

Мама тут же встала и пошла к нему, раскрыв объятия, готовая – как и всегда – прийти на помощь любимому мужчине, но слегка покачивая головой, как если бы он был маленьким ребенком, которого нужно было успокоить. Меррин особенно нравилось в их отношениях то, как они могут опереться друг на друга, и она была уверена, что у них с Дигби тоже сложится что-то похожее.

– Иди сюда, любовь моя, чего ты так разбушевался? – сказала она воркующим голосом, который приберегала только для мужа и своих девочек, когда те бывали немного не в духе. Руби и Белла, глядя на эту сцену, разулыбались. Бен принимался бушевать, а жена успокаивала его – обычная сцена в этом доме. И вроде бы оба успешно справлялись со своими ролями.

Папа все еще был на взводе, так что мама продолжила хлопотать вокруг него. Она ловко подхватила косточки для воротника, и только он вытянул шею и выпятил подбородок, а она уже вставила косточки в нужные мелкие прорези. Затем она аккуратно притянула друг к дружке края манжет и застегнула непослушные запонки. Потом похлопала мужа по руке.

– Вот и все. – Она чмокнула его в нос. – Посмотрите на себя, мистер Келлоу, вы просто красавчик.

– Ты это говоришь только потому, что это правда! – заявил папа, целуя ее в ответ в щечку. – Спасибо, любимая.

– Правда, Бен, сегодня вы так выглядите – Джордж Клуни отдыхает! – воскликнула Белла.

– Что значит *сегодня*? Может, я и одет, как он, но он снял целый фильм, где он одет, как я обычно, как он там называется, Хезер?

– «Идеальный шторм», и я просто ненавижу это кино, – мама сказала как отрезала. И всем было вполне понятно почему.

Меррин решила сменить тему.

– Папа, у нас еще целая вечность. Нам нужно быть в церкви Святого Михаила только к трем.

Меррин точно знала, что если он станет слоняться по дому в неудобной для него одежде, то снова начнет нервничать, и это скажется на всех. В маленьком пространстве плохое настроение заразительно. Меррин понимала, что ее отцу гораздо привычнее рыболовецкий костюм или джинсы и старая дырявая толстовка поверх мягкой майки. В костюме она видела его единственный раз – когда хоронили дедушку.

– Знаю-знаю, крошка, но сперва мне кое-что нужно сделать, – он подмигнул ей.

– О нет, только не ходи на работу! Я надеялась, что сегодня обо всем позаботятся Робин с Джарвисом; ты же замараешься! Я не хочу, чтобы ты вел меня к алтарю, воняя рыбьими кишками!

– Напомню тебе, что благодаря этим вонючим рыбьим кишкам у нас есть крыша над головой и еда на столе, – он

ткнул в нее пальцем. – Но вообще-то нет, я не на работу. Просто мне нужно ненадолго отлучиться.

– Пожалуйста, Бен, только не опаздывай! – взмолилась мама.

– Не опоздаю. – Он было направился к выходу, но затем остановился и обернулся. – Но сначала, пожалуй, я все-таки надену брюки!

Все просто покатались со смеху: Меррин по-настоящему насладилась этим моментом. Конечно, ей не терпелось поскорее открыть новую главу в своей жизни, но в глубине души ей было больно оттого, что ее половина спальни опустела: одежда и всякие мелочи уже были сложены в сумки, готовые к переезду в новый дом. Она хотела выйти замуж за Дигби больше всего на свете, но для нее это было последнее утро в качестве незамужней девушки в этом небольшом домике с его укладом, и это было так странно... Меррин вдруг поняла, что, когда будет жить в поместье, ей будет не хватать таких моментов, и осознание этой потери кольнуло ей сердце. Простые незатейливые разговоры ни о чем – но именно из таких простых, совершенно обыденных вещей и состояла вся ее жизнь, в которой Келлоу плотно окутывали друг друга паутиной любви.

– Просто не верится, что я проснусь завтра утром, а ты спишь где-то в другом месте, Мерри, – сказала мама, словно прочитав ее мысли; и не успело отзвучать последнее слово, как последовала новая порция слез.

– Ради всего святого, мама, она же будет жить в двух шагах! – напомнила очевидное Руби.

– Руби права, мам. Я буду не так уж далеко.

– В двух шагах или через полмира, какая разница, если мы будем завтракать без тебя? – На этих словах из ванной показался папа в только что надетых брюках, и мама принялась вытирать нос туалетной бумагой.

– А теперь по какому поводу слезы? – отец сунул пальцы за воротник и попытался оттянуть его. – Только не говори, что тоже собираешься надеть что-то в этом духе. Хотя если так, тогда я тебя полностью понимаю, потому что и я вот-вот зарыдаю, черт возьми!

– Папа, всего один день! Даже меньше: половина дня! Ты всегда говорил, что готов на все ради своих девочек, так вот, сегодня я прошу тебя упаковаться, как праздничная индейка... и если ты при этом не будешь стонать каждые пять минут, это будет просто чудесно!

– Ради своей младшенькой девочки – постараюсь, – он улыбнулся ей. – Постараюсь. – Достав из кармана брюк носовой платок, он тоже промокнул глаза.

– Черт побери, я что, единственная не рыдаю? – вскричала Руби. – Эгей, она идет замуж, а не на виселицу! Свадьба – это праздник! Вот если бы я покидала дом родной, вы наверняка плясали бы от радости и зажарили бы целого кабана!

И это тоже было в духе ее сестры: шутить по поводу мелочного соперничества с сестрой и обижаться, если у Мер-

рин появлялось что-то, чего не было у нее. Иногда зависть Руби казалась забавной, но чаще она была неуместна и раздражала, и Меррин не могла понять, почему Руби вообще ей завидует.

– Что ты, Руби, – успокаивающим тоном ответил папа. – У меня никогда не возникало желания запечь целого кабана, думаю, мы обошлись бы парой фазанов.

– Очень смешно, – надулась Руби. – Что ж, я точно не расстроена. Вся спальня *наконец-то* будет моей! Какой замечательный день. Я открываю джин!

– Ай да молодец! – захлопала в ладоши Белла.

Порывшись в шкафу, Руби извлекла четыре разномастных стакана, щедро плеснула в них джина и разбавила слегка выдохшимся тоником.

– Поехали! – она выдала по стакану маме, Белле и Меррин, а оставшийся взяла себе. – За невесту!

– За невесту! – подхватили все.

Мерри слегка пригубила крепкий напиток и отставила стакан. Выпивка – это не ее. Не то чтобы ей не нравилось спиртное, просто она не умела пить. Дигби подтрунивал над ней из-за того, что она хмелела с одного неполного бокала вина.

– А мне не дадут? – У отца не было таких проблем, с его-то практикой. – Пока надевал рубашку и этот чертов галстук, все горло пересохло.

– Нет уж, пап, ты обойдешься. Нельзя, чтобы ты явил-

ся в церковь навеселе. Представь выражение лица мамыши Мортимер, если у тебя будет заплетаться язык, или ты споткнешься, когда поведешь Меррин к алтарю, или, хуже того, пернешь прямо во время свадебных клятв? Она никогда тебя не простит! – Руби похлопала ресницами, и отец, словно соглашаясь, кивнул.

– Вообще-то я ей и так не сильно нравлюсь, вряд ли что-то изменится, если я вдруг перну. Помнится, как-то нас вызвали на воскресный обед, и старый Гатри восседал во главе стола как маринованная селедка, а она вертелась вокруг словно ни в чем не бывало, будто так и надо, что ее муж храпит в кресле еще до того, как подали пудинг. Совсем ку-ку. И она еще что-то проворчала, когда я смахнул каплю на соуснике и облизал палец. Чертова тетка. – Выдав эту тираду, отец, посвистывая, вышел на улицу.

– Как ты, Мерри? – мягко спросила Белла, как всегда безошибочно считывая настроение подруги.

Меррин приняла невозмутимый вид и села обратно; ей не хотелось вспоминать тот ужасный обед, на котором они с Дигби смотрели друг на друга и желали оказаться где угодно, только подальше оттуда, где их родители пытались разрядить атмосферу стандартным набором фраз, а Гатри что-то бормотал во сне. Белла пристроила свою большую попу в кресле напротив.

– Думала, буду нервничать сильнее. Немного волнуюсь. – Меррин передернула плечами: мама снова взялась за щипцы

и нещадно тянула волосы то в одну сторону, то в другую. – Поскорей бы все началось...

– Настало время, – Белла хлебнула джин, – обсудить кое-что.

– Что именно? – любопытствовала Меррин.

– Вы скоро поженитесь – всего через несколько часов, – она посмотрела на свои часы, – и Дигби может... ты, главное, не пугайся, но он может захотеть заняться с тобой сексом.

– О, ради всего святого! – Тон мамы был далек от одобрительного, но плечи тряслись от смеха.

– Извините, что приходится говорить об этом при вас, миссис К, но что поделать. Кто-то же должен все разъяснить бедной невинной девушке. – Белла авторитетно выпятила грудь.

Руби, откинув голову назад, уже стонала от смеха. Вот что хорошо удавалось Белле: с помощью шуток-прибауток сохранять между сестрами мир. Меррин почувствовала, что ее лицо покраснелось: она была рада, что в этот момент мама наклонила ее голову вперед. Взгляд упал на босые ноги, которые, как она теперь заметила, явно нуждались в том, чтобы их хорошенько вымыли.

Белла меж тем продолжила:

– Занятие сексом может быть чудесным времяпровождением, – она будто читала проповедь, так торжественно и ровно звучал ее голос.

– Ну, тебе ли не знать, у тебя-то опыта хватает, – вставила

Руби.

– Руби Мэй! – вскричала мама.

– Что? Это правда. И, пожалуйста, мама, не перебивай ее, это может быть самый важный совет, который наша Меррин сегодня получит.

– Очень сомневаюсь, – возразила мама.

Белла кашлянула; она любила аудиторию.

– Мисс Меррин Мерси Келлоу, я дам вам совет, который дала мне моя добрая, милая старая матушка.

– Твоя мама не добрая и не милая, и, если бы она услышала, что ты назвала ее старой, она спустила бы с тебя три шкуры, – вмешалась Хезер.

– Вас тут нет, миссис К. – Белла прочистила горло. – Итак, сейчас я расскажу тебе основное. Это все касается его крафика и твоей дырочки. – Белла сама с трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

– Дырочка! – схватившись за живот, Меррин покатила со смеху. – Я не называла это «дырочкой» с начальной школы!

– Ну не знаю, как еще сказать. – Белла притворилась, что перебирает варианты. – Мне нравится «дамский сад».

– Дамский сад, – хрюкнула от смеха Руби.

Меррин все больше радовалась, что папа не дома.

– Хотя моя мама предпочитает слово «причиндалы», – добавила Белла.

– Причиндалы!

Все, и даже мама, расхохотались. С этим веселым смехом день свадьбы стал больше похож на тот, что представляла себе Меррин.

– Тук-тук! – раздался мужской голос.

Меррин повернула голову к задней двери: там с конвертом в руках стоял Джарвис Карди – тот самый Джарвис, которому когда-то Руби разбила губу. Он был в джинсах и толстовке, в которых ходил на рыбалку.

Его вида и мысли о том, что именно он мог услышать, хватило, чтобы смех перешел в истерический.

– Джарвис! – вскочила Меррин, пытаясь сдержать хохот. – Ты давно там стоишь?

– Достаточно давно, Мерри, – он отвернулся и неловко переступил с ноги на ногу. – Я просто принес тебе открытку.

Он нерешительно зашел в дом, протягивая ей конверт.

– О, Джарвис, спасибо! Как мило!

Она запахнула халат на груди и приняла у него блестящий золотой прямоугольник.

– Это классная открытка; я купил ее в городе. Не в нашем магазине.

Это значило, что он не просто купил открытку, а специально постарался. В их деревенском магазине, у миссис Эверит, ассортимент был невелик: в основном пожелтевшие выцветшие картонки по случаю детского дня рождения да пара карточек «Наши соболезнования», и уж точно ничего подходящего для свадьбы года в Порт-Чарльзе.

– Если ты не против, мы вскроем его позже, вместе с Дигби.

– Конечно.

Джарвис кашлянул, а его щеки запунцовели.

В комнате воцарилась тишина; все будто смутилось, причем не только оттого, что Джарвис мог стать свидетелем их пикантного разговора, но и потому, что до Дигби, пусть и недолго, он был парнем Меррин. Она вдруг остро ощутила, что где-то в параллельной вселенной это Джарвис мог бы сейчас наглаживать свою лучшую рубашку, искать запонки, а потом ждать ее у алтаря.

– Ну, я лучше пойду. Удачи, Мерри. Пусть это будет замечательный день.

– Так и будет, и спасибо за открытку.

Медленно, словно не желая уходить, Джарвис пошел к выходу, а у порога снова повернулся к ней лицом, и она помахала ему конвертом. Он словно застыл, впитывая взглядом ее образ.

– И, Мерри...

Он сглотнул.

– Да?

– Я просто хотел сказать...

Он снова запнулся и облизал губы.

– Ну давай же, выкладывай, что там у тебя! – поторопила его Белла.

– Белла, не мешай. Не торопись, Джарв. – Руби встала на

его защиту: она часто это делала, словно пытаясь загладить вину за то, что в детстве здорово ему врезала.

Он поднял взгляд и благодарно улыбнулся ей за поддержку. Затем, похоже, у него сдали нервы, и он снова уставился на ноги.

– Ничего. Это неважно. – Он покачал головой и зашагал прочь.

Меррин смотрела ему вслед, радуясь, что он не сказал и не сделал ничего такого, что могло бы смутить их всех. Она развернулась к матери и подружкам невесты: они все смотрели на нее.

– Что? – спросила она, прекрасно понимая, что, скорее всего, они думают о том же.

– А вот и мы! – оповестила о своем прибытии ее бабушка, Эллен Келлоу, нарушив эту молчаливую сцену и, как всегда, захлопнув за собой заднюю дверь бедром. – Дочь рыбака выходит замуж за Мортимера, мы и думать не думали, что когда-нибудь настанет такой день! – она фыркнула и покачала головой. – Я уж точно никогда не думала. Что бы сказала старая мамаша Мортимер?

– Лоретта? – недоуменно спросила Хезер.

– Лоретта, ха. Нет! – вскричала бабушка. – Не Лоретта, а *его* мать, мать Гатри, Юнис. Она была в каждой бочке затычка. Гнилая, вонючая затычка!

Руби бросила вопросительный взгляд на Меррин, которая чуть покачала головой, давая понять сестре, что тоже не име-

ет ни малейшего представления, что имеет в виду их бабушка.

– Ты же не пойдешь с такой прической? – язвительно заметила старушка, усаживаясь в то самое кресло, которое совсем недавно занимала ее невестка.

– Мама пока не закончила. – Меррин притронулась к локонам.

– Оно и видно! – бабушка, как обычно, не церемонилась. – Руби, давай-ка сделай бабушке чашку чая!

Руби направилась к печке, чтобы снова поставить чайник.

– Я только что на тропинке встретила Джарвиса с миной кислее некуда. Думаю, он жалеет, что сам не позвал Меррин замуж.

– Не говори чепухи, они встречались, когда были совсем маленькими, и все это было не всерьез, – вмешалась мама.

– Вот именно! Джарвиса не интересует Меррин, он слишком умен для этого, – выпалила Руби со свойственным ей отсутствием такта.

– Я все понимаю, Руби, но скажи это Джарвису: он едва не плакал.

– Джарвис – отличный парень. Кажется, ты разбила ему сердечко! – присоединилась Белла. – Мерри, еще не поздно. Пока колечко еще не на пальце, можно передумать!

– Не смешно, Белла. Я не люблю Джарвиса. Я *никогда* не любила Джарвиса, ни капельки. Честно, он был просто парнем, с которым я практиковалась в поцелуях. Так что мама

права, это было не всерьез, а я люблю Дигби.

Меррин сказала чистую правду. У них с Джарвисом была детская влюбленность, всего лишь подростковый роман, длившийся пару месяцев, и они, конечно же, не дошли до стадии «краника-и-дырочки», но он был ее последней и единственной второй половинкой, мальчиком, который теперь работал на ее отца, а давным-давно смеялся над ее челкой.

– Мои чувства к Дигби – настоящие...

– Откуда ты знаешь, Мерри? – на этот раз Белла спрашивала серьезно, без намека на обычный шуточный тон.

Меррин вздохнула.

– Это трудно выразить словами, я просто знаю.

– Она права, – поддержала ее бабушка. – Это чувство в глубине живота, уверенность, которая приходит вместе с ним. Настолько сильное, что ты готова бросить свою семью и всех, кого знаешь, только ради того, чтобы оказаться в его объятиях.

Меррин тепло улыбнулась бабушке, понимая, что сама она не смогла бы сказать об этом лучше.

– У вас с Артуром было так же, Эллен? – мягко спросила Хезер.

– Нет, не так! – выдала Эллен Келлоу, и все рассмеялись.

Меррин собралась с духом.

– Я знаю, что Дигби именно тот единственный, и знаю это с самого первого свидания, с самой первой встречи.

– С самого первого секса? – воскликнула Белла, и даже Эллен рассмеялась.

Меррин поморщилась, но, по правде говоря, да, особенно с того раза. Она ненадолго закрыла глаза, представляя себе лицо мужчины, который сегодня станет ее мужем.

Глава 3

Джарвис

Джарвис Карди проснулся рано. Неважно, в какой день, или неделю, или месяц, неважно, в какую погоду: дождь, град, грозу или ясное летнее утро, – он всегда просыпался чуть раньше пяти утра. Проклятье рыбака; даже на суше он не мог перенастроить внутренние часы: к треклятым пяти утра его разум был бодр и готов к работе. Он ухватился за край кровати и пару секунд прислушивался к ощущениям, соображая, где он – среди изменчивых волн или на надежной земле, благодарный мягкому сопротивлению матраса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.